Социология в движении: к итогам XVII Всемирного конгресса социологии

Динамичное развитие социологии в контексте усложняющейся динамики самого социума*

Девиз XVII Всемирного конгресса социологии — «**Sociology on the Move**» — Социология в движении. Отмечу семь, на мой взгляд, наиболее важные особенности *динамики социологического знания.*

Во-первых, интересны новации, связанные с разработкой оригинального теоретико-методологического инструментария, в частности, *методологического космополитизма.* На Конгрессе был представлен ряд работ, посвященных данной проблематике. Известный немецкий социолог У. Бек, автор теории «Общества риска»,выпустил книгу «Космополитическое видение»[1]. По его мнению, методологический космополитизм призван заменить *методологический национализм* — видение мира через призму наций-государств, которое, более не отвечает реалиям современного мира, ибо человечество вступило в эру космополитических дуальностей: глобальное — локальное, интернациональное — национальное, западное — незападное. Радикально изменилось пространство социума — его границы выходят за рамки нации-государства.Также другими стали социальные акторы — в глобализирующемся мире многонациональные корпорации, негосударственные наднациональные структуры играют все возрастающую роль.

Британский социолог Г. Делантай презентовал труд под названием «Космополистическое воображение»[2], в котором акцент сделан на исследовании незападных и антизападных проявлений космополитизма, которые, как считает ученый, способствуют утверждению качественно новых межкультурных коммуникаций в контексте формирующихся глоболокальных социальных сетей. На данную тему, развивая ее, на Конгрессе было сделано более 10 докладов. Так, польские социологи К. Мёллер и А. Пикель предложили идею «критического космополитизма», под которым понимают «обоснование абстрактных моральных принципов классического космополитизма сообразно современным исследованиям, посвященным скорее глобальным (чем просто интернациональным) неравенствам, глобальной бедности и расширение проблематики прав человека в политике»[3]. За «критический космополитизм» ратует и чешский социолог К. Жало, используя для его обоснования инструментарий *культуральной социологии* Дж. Александера, о сути которой мы писали[4]. Японский социолог К. Кеничи отмечает, что «изначально космополитизм развивается из западной традиции… Совсем недавно мы вышли на уровень «сложных космополитизмов», основанных на мультикультурализме. Ныне среди наиболее глобальных городов мы можем наблюдать несколько разновидностей космополитизма»[5]. А американский социолог М. Б. Сваин обосновывает «феминистский космополитизм»[6].

Во-вторых, интересны новации, связанные с *переоткрытием,* казалось бы, исторически исчерпавших себя идей и теорий. Достижения и наработки *социальных ученых различных поколений* оказались вновь востребованы. Естественно, они, как правило, *наполняются новым содержанием.* Представляется, читателю будет интересно узнать, чье же творчество ныне оказалось востребованным в выступления участников Конгресса. В частности, были сделаны научные сообщения, посвященные:

— творчеству французского социолога Л. Альтюссера (1918–1990);
— идеям исследователя и критика тоталитаризма Х. Арендт (1906–1975);
— концепции представителя феминистской постмодернисткой теории Ю. Батлер, автора известной книги «Гендерное горе: феминизм и ниспровержение идентичности» (1990 г.);
— работам британского социолога польского происхождения, теоретика постмодерна З. Баумана (1925);
— трудам русского философа М. М. Бахтина (1895–1975), чье творчество, в частности, посвященное исследованию карнавала, предполагающего переход из одного социального времени в другое, выходит на постмодернистскую проблематику;
— взглядам американского социолога, представителя символического интеракционизма Г. С. Беккера (1928);
— мыслям французского социолога, занимавшего-

ся проблемами женского гендера С. де Бовуар (1908–1986), автора книги «Второй пол»;
— теориям французского социального теоретика, представителя постмодерна Ж. Бодрийяра (1929–2007);
— творчеству французского социолога П. Бурдье (1930–2002), идеи которого традиционно приковывает к себе внимание за оригинальность мышления и воображения, разработку уникального теоретико-методологического инструментария (ему были посвящены 36 докладов);
— научному наследию классика социологии М. Вебера (1864–1920), оказавшемуся в центре внимания 23 докладов;
— трудам немецкого философа, основоположника неопозитивитсткого учения о языке Л. Виттгенштейна (1889–1951);
— взглядам индийского теоретика ненасильственной борьбы за независимость М. Ганди (1869–1948);
— концепциям американского социолога, основателя этнометодологии Г. Гарфинкелю (1917);
— теориям немецкого философа Г. Гегеля (1770–1831);
— работам английского социолога, автора рефлексивной теории структурации Э. Гидденса (1938);
— взглядам английского мыслителя, автора теории гражданского общества Т. Гоббса (1588–1679);
— научным инновациям американского социолога, создателя драматургического направления в социологии И. Гофмана (1922–1982);
— вкладу в общественное теоретизирование итальянского социолога А. Грамши (1891–1937);
— трудам французского социального теоретика, приобретшего широкую известность за работы в области постструктурализма и постмодернизма, Ж. Делеза (1925 - 1995);
— творчеству классика социологии Э. Дюркгейма (1858–1917);
— работам французского социального теоретика экзистенциализма, лауреата Нобелевской премии А. Камю (1913–1960);
— открытиям немецкого философа И. Канта (1724–1804);
— вкладу в науку основателя социологии О. Конта (1798–1857);
— концепутальным инновациям немецкого социолога, внесшего значительный вклад в разработку функционального анализа в социологии, Н. Лумана (1927–1998);
— творчеству классика социологии К. Маркса (1818–1883), рассмотренного в 8 докладах;
— памяти французского феноменолога и экзистенциалиста М. Мерло-Понти (1908–1961);
— научным взглядам американского социолога, создавшего интегральную теорию структурного функционализма в версии среднего уровня, Р. Мертона (1910–2003);
— трудам американского социолога, автора интегральной теории структурного функционализма, Т. Парсонса (1902–1979);
— открытиям швейцарского социального психолога Ж. Пиаже (1896–1980);
— взглядам американского философа Р. Рорти (1931), автора инновационной книги «Случайность, ирония и солидарность», опубликованной в 1989 году;
— публикациям американского социолога Дж. Роулза (1921);
— творчеству швейцарско-французского социального теоретика Ж.-Ж. Руссо (1712–1778);
— идеям французского социального теоретика Ж. Сартра (1905–1980);
— трудам индийского экономиста, лауреата Нобелевской премии А. Сена (1933), исследовавшего причины голода;
— теоретическим взглядам французского социолога и политолога А. Токвиля (1805–1859);
— концепциям французского социолога, представителя постструктурализма и постмодернизма М. Фуко (1926–1985) , рассмотренных в 17 сообщениях;
— идеям бразильского социального теоретика П. Фрейра (1921–1997), автора книги «Педагогика угнетенных» (1970 г.);
— теориям немецкого социолога, представителя Франкфуртской школы Ю. Хабермаса, (17 докладов);
— творчеству немецкого философа, одного из основателей экзистенциализма М. Хайдеггера (1889–1976);
— трудам австрийского социолога, основателя феноменологической парадигмы в социологии А. Шютца (1899–1959);
— идеям шотландского философа, историка и экономиста Д. Юма (1711–1776);
— теориям швейцарского психолога, представителя социального психоанализа К. Юнга (1875–1961);
— творчеству Н. Элиаса (1897–1992), социолога, занимавшегося цивилизационными процессами, которое было освещено в 30 докладах.

Специальное выступление было посвящено сравнительному анализу теорий российских социологов Н. И. Кареева (1850–1931), М. М. Ковалевского (1851–1916), П. А. Сорокина (1889–1968).

Приведенные данные позволяют сделать следующий вывод о характере динамики социологического знания: традиционный, линейный подход к «старению» социального знания более не работает.

В-третьих, по словам Мишеля Вьевьорки, Президента Всемирной социологической ассоциации (2006–2010 гг.), «социология не только присутствует, но процветает повсюду в мире, она становится глобализированной»[7]. Думается, тезис о становлении глобализированной социологии нуждается в конкретизации и уточнении. Отмечу два момента:

— социологическое знание не просто глобализируется, а *глоболокализируется:* создается усилиями ученых всей планеты, при этом идет не простое аккумулирование общего знания, а имеют место *самодостаточные достижения локального масштаба,* существующие в определенном культурном, пространственно-временном контексте. Несомненно, в формировании глобальной составляющей социологии важная роль принадлежит европейским и американским ученым. Социологи из США были представлены 512 (10,3%) участниками; Германии — 423 (8,5%); Великобритании — 397 (почти 8%); Швеции — 302 (6,1%); Франции — 231 (4,6%); Испания — 200 (4%); Италии — 195 (3,9%); Португалии — 151 (3%); Исландии — 120 (2,4%); Голландия — 116 (2,3%).Вместе с тем, весьма значительным было число участников с других континентов и стран: из Японии прибыли 205 ученых (4%); Бразилии — 185 (3,7%); Канады — 176 (3,5%); Австралии 162 (3,3%); Индии — 120 (2,4); Мексики — 118 (2,4%).**Из Российской Федерации в Конгрессе приняли участие 111 человек** (2,2%). Несомненным шагом вперед российской социологии стало участие в таком высоком международном социологическом форуме нашей молодежи — аспирантов и студентов из МГИМО(У), ГУ ВШЭ, МГУ, РГСУ, РГГУ и других вузов. Подчеркну, дело не в простом расширении географии производства социологического знания, но в формировании *новых, весьма активных социологических акторов,* которые функционируютв относительно локальном пространстве;

— *процесс интернационализации социологии осуществляется в контексте полицентричности.* Пока это, скорее, *формирующиеся центры* в виде национальных социологических школ. Но то, что они *динамично развиваются*, свидетельствуют следующие факты. Так, выкристаллизовывается школа, представляющая *австралийскую проблематику*, которая была представлена 43 докладами, что на 12 сообщений больше, чем было сделано на прошлом Конгрессе. Рельефно выражена динамика *бразильской школы:* практически удвоилась бразильская проблематика — 114 докладов (59 выступлений было на прошлом Конгрессе). Увеличилась на 28 до 89 докладов *индийская проблематика.* Как известно, Япония станет страной, которая примет у себя следующий XVIII Всемирный социологический конгресс. На данном же Конгрессе японская социологическая школа была представлена 114 докладами, что почти в три раза больше, чем было сделано на предыдущем. Думается, ныне японская социология является наиболее динамично развивающейся не только в количественном отношении, но в качественном: тематика выступленийбыла навеяна формирующимися глобальными социальными сетями и касалась животрепещущих проблем и простого человека, и человечества в целом. Нельзя не отметить, что *набирает силу африканская социология.* Более 100 представителей прибыли на Конгресс, среди которых 61 ученый представлял ЮАР. Мне не представляется фантастичной идея «Социологического БРИКа»: у Китая, как известно, есть свои трудности в отношениях с Всемирной социологической ассоциацией — не случайно на этот Конгресс прибыл всего 31 участник. Можно прогнозировать качественное изменение ситуации на следующем Конгрессе, который состоится в Азии. Во всяком случае, уже сегодня есть благоприятные политические предпосылки к росту сетевого взаимодействия социологов из Бразилии, России, Индии и Китая. Насколько мне известно, Институт социологии РАН работает в этом направлении.

В-четвертых, оргкомитет Конгресса существенно *расширил доминирующую проблематику,* вынесенную для обсуждения на пленарных сессиях. Если президентская сессия предшествующего конгресса (Дурбан, 2006 г.) была посвящена одной макротеме[8],то на президентскую сессию XVII всемирного конгресса социологии было вынесено *пять* подобного рода макротем, представляющих собой актуальные проблемы, связанные сетевой логикой взаимодействия:

— «насилие и война» — прежние представления о возможности искоренения насилия и утверждения долговременного мира не выдержали испытание временем, что порождает принципиально новые вызовы социологическому знанию;

— «основы жизнедеятельности» — экологические проблемы, последствия климатических изменений, ограниченные ресурсы энергоносителей, продуктов питания и воды требуют нового концептуального осмысления;

— «миры различия» — выдвинулась проблема множественности модернов и глоболокального разнообразия;

— «действие и воображение» — социологи вынуждены находить ответы на вызовы растущей значимости образов в виртуальном мире. Общественные реалии не только объективны, но и социально конструируются — социологи имеют дело с их означиванием и динамикой социального смысла. Кроме того, возникли сети производителей социальных смыслов, ряд из которых имеют характер мультимедиа как новой символической среды — через ее каналы все интенсивнее передается социальный опыт, соответственно, формируются типичные социальные действия и идентификации людей;

— «религия и власть» — тема, привлекающая исследователей тем, что религиозный опыт, его артикуляция ныне все более используются для достижения прагматических политических целей[9].

В-пятых, появилось много новых проблем, исследование которых предполагает усилия специалистов различных отраслей социологического знания, использующих разные методологические и методические подходы. На данном Конгрессе, по сравнению с предыдущим, на порядок возросло количество объединительных сессий, организованных и проводимых усилиями ряда исследовательских комитетов, общее число которых достигло 86. Отмечу, на мой взгляд, наиболее интересные в содержательном и тематическом планах. «Роль транснациональных общественных интеллектуалов»; «Концептуализация будущего в социальной теории»; «Интеллектуалы в движении в глобальную эру»; «Общество риска и религия»; «Гендер, наука, технология, инновация и будущее».

В-шестых, материалы Конгресса свидетельствуют о том, что начался активный *процесс сетевого взаимодействия социологов с представителями других социальных, гуманитарных и естественных наук.* Конкретно он проявляется в том, что осуществляется интегральное использование каналов познания как социологии, так и других социальных и гуманитарных наук, а также наук естественных, у которых есть общие проблемы. Вообще на Конгрессе диалогу социологии с другими науками было уделено особое место:были организованы специальные объединительные сессии «К диалогу между учеными». На них поднимались темы, которые, несомненно, имеют междисциплинарный характер. В докладах использовался теоретико-методологический инструментарий как социологии, так и других наук.

Наконец, **в-седьмых**, как мне представляется, социология начала движение к *центробежному сетевому* взаимодействию социологических акторов. Это выражается в том, что в противовес евроцентризму и американоцентризму, которые постепенно утрачивают доминирование, происходит увеличение роли локального фактора — *национальных и региональных школ,* научно-исследовательских и учебных институтов, ad hoc групп — в производство социологического знания.

Представляется, что социологическая школа МГИМО была весьма достойно представлена на Конгрессе. Специально к этому форуму Российским обществом социологов был издан диск со статьями российских ученых, среди которых были: С. А. Кравченко. «Динамика социологического воображения»; профессор А. В. Носкова. «Социальные последствия современной миграции: плюсы и минусы»; доцент И. Г. Каргина. «Существует ли предельная граница уровня религиозности в России»; аспирантка О. Е. Брун. «Телевидение в современной культурной динамике»; аспирантка А. А. Синельщикова. «Телевидение в "текучем" времени: амбивалентные тенденции»[10]. Особо отмечу, что непосредственно в Программу конгресса, кроме докладов профессоров С. К. Кравченко и А. В. Носковой, было включено сообщение студентки 4 курса Социологического отделения Екатерины Лыткиной на тему: «Аномия — возможный катализатор социального хаоса? Интерпретация реакций российских и немецких медиа на кризис»[11].

XVII Всемирный конгресс социологии стал достоянием истории. Но, полагаю, он дал много интересных посылок к учебному и научному новаторству. Через их призму необходимо совершенствовать учебники для наших студентов. Ведь в недалеком будущем им предстоит вести диалог с зарубежными коллегами, а главное — эффективно решать проблемы модернизации страны с позиций передовой научной мысли.

Кравченко Сергей Александрович —
профессор Кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД РФ

Мировая и российская социология: сравнительный анализ научных полей*

Местом проведения научного форума социологов стал Гетеборг– второй по величине и своей роли город в Швеции после Стокгольма. По историческим меркам Гетеборг — город относительно молодой. Он был основан в начале XVII в. В настоящее время в нем проживает около 500 тыс. горожан. По экономическим показателям Гетеборг — город, где находятся производства «Volvo» и «Ericsson». Кроме того, Гетеборг — важнейший морской порт Швеции, сюда причаливают огромные суда илайнеры со всего мира. По этническому составу город является типичным мировым мегаполисом, притягивающим к себе мигрантов со всего света. Пожалуй, языковая многоголосица — своего рода маркер глобализации, объединяющей народы мира.

Несмотря на мировой финансово-экономический кризис, желающих россиян участвовать в работе Конгресса, было беспрецедентно большое количество. В итоге некоторые из наших ученых,подававшие заявки с темами выступлений в последний или предпоследний день, получили отказ, так как все секции форума уже были укомплектованы. *Теперь о том, что удивило и поразило новизной.* Хочу выделить три момента.

Первое — то, *что, собственно, исследуют социологи, над чем они работают.* Проблематику исследовательских комитетов в сочетании с тематикой сессий условно можно разделить надвавида:типичную и нетипичную для отечественного социологического научного поля. Справедливости ради отметим, что большинство исследовательских комитетов были привычными длянас, а их названия — созвучны комитетам Российскогообщества социологов (РОС):«Социология образования»; «История социологии»; «Социология здоровья»;«Социология молодежи».

Однако были и специфические или мало представленные у нас проблемно-тематические исследовательскиеобласти.Например, «Социология смерти и

умирания: новые течения и вызовы». Или, в советские времена одно из значимых, но ныне забытых направлений — «Рабочие движения»; исследовательский комитет с несвойственным российскому менталитету названием — «Рациональный выбор». Или еще одно исследовательское направление, для нас уже не новое, но все ещеявляющееся своеобразной экзотикой — «Социология тела».Данное научное поле было представлено сессией «Тело в социальных науках» и сессией«Культурная репрезентация стареющего тела», организованной исследовательским комитетом «Социология старения». Социальная проблематизация «тела» знакома нам, главным образом, по работам представителей феминистского постмодернизма и французского социального теоретика Мишеля Фуко. Все, что публикуется у нас в стране, в основном интерпретацияих взгляда на проблему.Самостоятельное научное течениеу нас пока не сформировалось: практически отсутствуют оригинальные исследования и публикации, нет исследовательских комитетов и секций на всероссийских конгрессах и т.д. Значит, для нас пока эта проблематика не актуальна.

Второе. Наверное, любая международная конференция, а мировой конгресс в особенности, дает возможность по-новому, «другими глазами» взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомые проблемы,например, демографические, которые для меня представляют особый интерес.Среди центральных проблем: многоликость демографических и этнических процессов; глобальное старение населения и его последствия; миграционные процессы и связанные с ними социальные изменения; здоровье населения; различные меры в области политики народонаселения; противоречия и негативные последствия, возникающие при решении демографических проблем — эти, а также многие другие вопросы с разных научных и социокультурных позиций анализировались ученымииз Индии, Китая, России, Австралии, Мексики, стран Западной Европы и т.д.

Казалось бы, что общего в демографическом плане у России и Китая или Индии? У нас основная беда — депопуляция, ужасающее сокращение населения. В Китае и Индии, наоборот, основная цель в области народонаселения –меры и средства по сокращениюрождаемости (нам бы их проблемы…). В частности, вопросы сокращения рождаемости в Индии, арабских странах и соответствующих технологиях, связанных с навязыванием идеологии «планирования семьи» и репродуктивного выбора, пропагандой репродуктивных прав и т.д.,активно обсуждались на сессии«Политика в области народонаселенияв изменяющемся мире».

Но, оказывается, есть и определенные параллели. Показательны в этом плане два доклада: «Демография мусульман в Китае» и «Женский аборт в районе Колхапур, Индия: краткий обзор». Основной предмет первого доклада — демографические и социально-экономические характеристикимусульманскихменьшинств в Китае. По своим основным параметрам этнические структуры населения России и Китая схожи. Во-первых, населения обеих стран полиэтничны. Во-вторых, и в Китае, и в России в этнической структуре населения выделяютсяэтническое большинство и этнические меньшинства. В Китае этническое большинство — это народ хань, составляющий около 92%населения. Всего, по данным китайской переписи населения 2000 г., в стране проживают 52 этнических меньшинства, десять из которых относятся к мусульманам.Самые многочисленные «китайские мусульмане»– это народы хуэйцзу, общая численность которых составляет 10 млн. чел., иуйгуры — 8,4 млн. чел. Оказалось, что в Китае, также как и в России, доля мусульманских меньшинств в этнической структуре населения увеличивается за счет более высокого уровня рождаемостиэтих групп. Так, в 1953 г. доля этнических мусульман составляла 1,38% от всего населения Китая, в 1982 г. — 1,48%, в 2000 — 1,64%.Из-за активно проводимых в Китае мер по сокращению рождаемости уровень рождаемости в стране в 1990–2000 гг. снизился. Но по сравнению со средними общекитайскими показателями темп снижениярождаемости у китайских мусульман в эти годы был намного меньше. Современный уровень рождаемости у хуэйцзу и уйгур выше, чем у этнического большинства — Хань примерно на 38%и 60% соответственно.

В докладе также раскрывались факторы более высокой рождаемости у мусульман. К ним относятся: смягченный относительно этих групп вариант проводимой в стране политики «одной семье — один ребенок», социокультурные факторы, низкий уровень образования и экономического развития, плохойдоступ к информации и медицинскому обслуживанию. В конце доклада ученый выражает надежду, что китайский экономический бум сгладит эту проблему, и уровень рождаемости у китайских мусульман снизится до общекитайского уровня.

Во втором докладе поднимались болезненныедля современной Индии демографические проблемыабортов и перекоса половой структуры населения. Как актуальны эти вопросы сегодня и для нас!«Во многих районах Индии женские аборты являются “необузданными”», — говорил в своем докладе индийский ученый. К чему приводит такая ситуация?Прежде всего, к «половой селекции» и к перекосу половой структуры населения: патологическому численному перевесу мужчин над женщинами. Поясню сказанное. В Индии происходит наложение новых линий в репродуктивном поведении на традиционные репродуктивные установки. В настоящее время аборт в Индиинормативно допускается и латентно даже поощряется. Такая ситуация является своеобразной реакцией населения на призывы государства сократить рождаемость в стране. Одновременно с экстраполяцией новых норм репродуктивного поведения сохраняются традиционные репродуктивные установки

на пол ребенка: в Индии *абсолютное предпочтение отдается мальчикам.* «Половая селекция» означает, чтоабортируются преимущественноэмбрионы-девочки, тогда как мальчиков предпочитают оставлять в живых. Каковы перспективы дальнейшего развития подобной ситуации?Поражают демографические прогнозы. Если в 2000 г. соотношение мужчин и женщин в Индии было примерно 1:1, то к 2019 году оно уже по прогнозамсоставит 3:1, а к 2031 г. — 7:1.

Прямо скажем, очень сложные демографические проблемы ожидают и Китай, и Индию, и Россию, да и все человечество.

Третье — *интенсивное развитие «восточной социологии»,* о чем свидетельствуют результаты сессии «Глобализация и изменение азиатских обществ: Китай, Япония, Южная Корея и Тайвань». Доклады ученых из этих четырех стран Восточной Азии иллюстрировали результаты Восточно-Азиатского социального исследования 2008 года. В них раскрывались вопросы, связанные с проблемами глобальной мобильности и транснациональных отношений,социальной дистанцией между указанными странами и т.д. Лично у меня сложилось впечатление, что скоро по аналогии с «экономическим чудом» мы заговорим о японском, корейском или о китайском «социологическом чуде». Отмечу, что доклады выступавших имели преимущественно эмпирический характер, здесь отсутствовали какие-либо новые интересные сюжеты из области теоретической социологии. Однако поразила четкость постановки задач, глубина и проработанность исследовательской методологии и методики сбора и обработки эмпирических данных, доведение почти до «совершенства» представления полученных данных.

Носкова Антонина Вячеславовна —
профессор Кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД РФ

Инновационные подходы к исследованию эффектов масс-медиа

Меня особенно заинтересовала теория *информационализма* и *сетевого общества*, которую более 10 лет разрабатывает известный социолог Мануэль Кастельс. К Конгрессу было приурочено второе издание его книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», к которой было специально написано новое предисловие. В нем, в частности, отмечается, что глобальный финансовый кризис, разразившийся в конце 2008 года, в числе ряда проблем принес «информационные турбилентности»[12]. Принципиальной новацией со временем выхода первого издания труда стало утверждение «новых форм массовой самокоммуникации», которые, по существу, знаменуют собой утверждение «новой формы социетальной коммуникации»[13].

«Новые технологии, — по мнению ученого, — также продвигают развитие социальных пространств виртуальной реальности, которые сочетают социабильность и экспериментирование с ролевыми играми»[14]. При этом подчеркивается, что формы социетальной коммуникации существуют не сами по себе, а радикально влияют на политику и бизнес, вплоть до их переструктурирования. Ученый также выступил с докладом «Сети в сетевом обществе»на президентской сессии. Широкую известность М. Кастельс приобрел как крупнейший теоретик совеменного *сетевого общества,* в котором логика структур заменяется логикой сетевой структуры информационных потоков, что, по существу, знаменует утверждение новой социальной структуры: происходит сдвиг от традиционных масс-медиа к системе горизонтальных коммуникационных сетей, организованных посредством Интернета и беспроводной коммуникации. И так как сети не останавливают границы национальных государств, сетевое общество конституировало себя в качестве глобальной системы.

Главная особенность глобальных сетей состоит в том, что они «включают некоторые народы и территории и в тоже время исключают другие». При этом сетевое общество «характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла». Как результат этого фундаментального процесса, возникает принципиально новая экономика — *информациональный капитализм* — новая технико-экономическая основа жизнедеятельности людей, формирование которой началось в 1980-е годы, суть которой в реструктуризации капитализма, осуществлявшейся по следующим четырем главным направлениям:

— углубление капиталистической логики стремления к прибыли в отношениях между капиталом и трудом;
— повышение производительности труда и капитала;
— глобализация производства, распределения и рынков с овладением возможностями использования наиболее выгодных условий для получения прибыли повсюду;
— сосредоточение государственной поддержки на повышении конкурентоспособности национальных экономик, часто с ущербом для социальной защиты и общественных интересов.

При этом технологическая инновация и организационные изменения, сосредоточенные на гибкости и приспособляемости, были решающими в обеспечении скорости и эффективности реконструкции. социальных системах. Далее, возникает Интернет культура — принципиально новая культура, основными компонентами которой являются: техно-меритократическая культура ученых, убежденных в том, что человеческий прогресс ассоциируется с развитием науки; хакерская культура, представленная экспертами-программистами; виртуальная культура,

которую образуют самые разные представители онлайновой коммуникации; культура представителей бизнеса, рассматривающих Интернет как привлекательный инвестиционный сектор.

Материалы Международного социологического конгресса свидетельствуют, что теория Кастельса информационализма значительно повлияла на формирование новаторских подходов к исследованиюкак самих эффектов масс-медиа, так и их воздействия на содержание и динамику социума,сознание и действия людей, их повседневную жизнь. В общей сложности, по проблемам коммуникаций, их исследования, современного информационного общества, Интернета, масс-медиа и их эффектов, телевидениябыло сделано 360 докладов, что составляет 7,3% от всех выступлений. На Конгрессе была организована специальная сетевая сессия «Эффекты масс-медиа», в работе которой следует отметить три направления выступлений, привлекших наше внимание.

Первое — исследование влияния масс-медиа на трансформацию внутриполитических процессов, что прямо следует из теории информационализма. Суть возникшей проблемы в том, что СМИ, по существу, перестали выполнять свою изначальную роль — информировать людей. Сейчас они все более выполняют иную функцию — **формируют параметры социума**, как правило, помогают людям адаптироваться и подчас ассимилироваться к новым элементам различных культур, возникающих в локальных пространствах под влиянием глобализационных процессов. Так, например, социолог из Мексики, Габриэла Палавичини отмечает, что «в Мексике, масс-медиа принимают активное участие в формировании новой политической культуры»[15]. Исследование этой важной проблемы необходимо для понимания механизмов влияния масс-медиа на динамику политических реалий, причин, способствующих возрастанию политической активности граждан страны. Как следует из доклада ученого, в Мексике осуществляется переход от авторитаризма к демократии, формируются социальные практики принятия коллективных решений всех граждан страны. По его мнению, такая функция СМИ возникла в результате появления самоорганизованных информационных акторов, в частности, независимых, демократически ориентированных журналистов.

В рамках проблемы влияние масс-медиа на структурирование политической жизни интересно рассмотреть исследованиепортугальских социологов Карвальо Тиаго и Касанова Хосе Луис, посвященное анализу развития демократии в контексте активности участников блогосферы, представляющей, говоря словами М. Кастельса, одну из «новых форм массовой самокоммуникации». Результаты их исследования позволили составить социологический портрет «активного блоггера». В результате социологи приходят к выводу о «влиянии нового вида СМИ (блоги) на обновление общественной жизни, что выражается в возможностях, которые это новое СМИ привносит, позволяя расширить и укрепить демократию, а также оказывая поддержку для создания автономныхобщественно-политических проектов и для выстраивания социальных проектов»[16].

Второе направление — влияние СМИ на формирование парадоксов сознания и предпочтений подрастающего поколения, в частности, учащихся. Очевидно доминирование Интернета в качестве информационного ресурса и влияние телевидения как важного агента социализации на поведение и социальный образ индивида в период школьного обучения. Особого внимание заслуживает тема влияние демонстрирования насилия в медиа на детей. Современное общество отличаетсяучастившимися случаями агрессии, не только в психологическом плане, но и в физическом проявлении этой агрессии.Были проведены различия исследования, которые доказали, что одной из причин такого поведения становятся видеоигры для детей, основанные на символическом насилии. Некоторые исследования доказывают, что дети, социализированные на насильственных видеоиграх и мультфильмах, становятся более агрессивными, особенно когда взрослеют. Так, например, социолог из Индии Сушма Гарг представил исследование, основанное на электронном опросе. Автор считает, что «это моральная ответственность родителей и школьных руководителей оградить детей от подобных программ, содержащих насильственный элемент и помочь избежать последствий результатов агрессивного поведения и насильственных действий в реальной жизни детей» . например, социолог из Индии Сушма Гарг представил исследование, основанное на электронном опросе. Автор считает, что «это моральная ответственность родителей и школьных руководителей оградить детей от подобных программ, содержащих насильственный элемент и помочь избежать последствий результатов агрессивного поведения и насильственных действий в реальной жизни детей»[17].

Третье направление — влияние масс-медиа на терроризм. После террористических атак 11 сентября 2001 года мир столкнулся лицом к лицу с проблемой принципиально нового терроризма. Это не значит, что ранее терроризм не существовал, однако атака Башен Близнецов Мирового торгового центра послужила серьезным поводом для проявление особого внимания к этой форме насилия, которая используется в качестве инструмента международной политики. В действительности,после 2001 года США стали иначе относиться к своей безопасностии присоединились ко всеобщей борьбе с этим общим врагом. Эта проблема стала волновать не только американских, но социологов всего мира. Сильва Тереса Альмеида из Португалии в своем исследовании анализирует такой феноменмеждународного терроризма как «современный язык террора»и рассматривает его как особую оппозиционную силу, которая направлена на достижение

политических целей. Одно из важных наблюдений социолога — как террористы используют масс-медиа для достижения поставленных ими целей и как СМИ могут быть своеобразным передатчиком идеологии террористов. Социолог пытается «установить взаимосвязь между использованием масс-медиа и распространением терроризма»[18].

В заключении хочу отметить, что теория информационализма и сетевого общества Мануэля Кастельса, его идеи о кризисе, породившем «информационные турбулентности», и, соответственно, новые «формы социетальной коммуникации», способствующие возникновению турбулентностей социальных и политических, представляются весьма актуальными и могут быть востребованными российскими учеными.

Брун Ольга Евгеньевна —
Аспирантка кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД РФ

Примечания

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 10–06–00424
1. Beck, U. Cosmopolitan Version. — Cambridge: Polity Press, 2007.
2. Delanty, G. The Cosmopolitan Imagination. — Cambridge: University Press, 2009.
3. Mueller, K. & Pickel, A. What is Critical Cosmopolitanism? // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 328.
4. См.: Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера: новые подходы к пониманию политической борьбы.– Вестник МГИМО-Университета, № 3, 2008.
5. Kenechi, K. Everyday Cosmopolitanism in Two Creative Cities: Singapore and Tokyo // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 235.
6. Swain, M.B. Cosmopolitan Worldvies and Tourism Vistas-Hype and/or Hope for the Future // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 471.
7. Wieviorka, Michel. Welcome address by the President of the International Sociological Association. — XVII World Congress of Sociology. Programme. — Göteborg, Sweden, ProQuest, 2010. — P. 15.
8. Напомним, это была следующая тема: «Разнообразия социального существования в глобализирующемся мире». -См.: XVI World Congress of Sociology. Programme. — Durban, 2006. — P. 23.
9. См.: XVII World Congress of Sociology. Programme. — Göteborg, Sweden, ProQuest, 2010. — P. 17.
10. См.: Russian Sociology on the Move. — Moscow-Gothenburg: Russian Society of Sociologists, 2010.
11. См.: Programme. XVII World Congress of Sociology. — Göteborg, Sweden, ProQuest, 11–17 July, 2010. — P. 221.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 10–06–00424
12. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. — P. XX, XXX.
13. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. — P. XXVII.
14. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. — P. XXIX.
15. Palavichini, G. The Influence of Mass-Medias in the Transformation of a Political Regime: The Case of Mexico // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 355.
16. Carvalho, T. & Casanova, J.L. Blogosphere and Democracy in Portugale — Results of a Websurvey // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 80.
17. Garg, Sushma. Impact of Growing Violence on Children — Study of Electronic Media // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 163.
18. Silva, T.A. The Modern Language of Terror // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P.448.